

ЗИГМУНД

ФРЕЙД

*ПСИХОПАТОЛОГИЯ
ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ.
О сновидении*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Зигмунд Фрейд

**Психопатология обыденной
жизни. О сновидении**

«Издательство АСТ»

1901, 1900

УДК 159.97
ББК 88.6

Фрейд З.

Психопатология обыденной жизни. О сновидении / З. Фрейд —
«Издательство АСТ», 1901,1900 — (Эксклюзивная классика
(АСТ))

ISBN 978-5-17-151545-4

Зигмунд Фрейд. Знаменитый врач-психиатр, создатель теории психоанализа, имя которого известно даже тем, кто никогда не читал его работ. В свое время идея Зигмунда Фрейда о влиянии полового инстинкта на психику и развитие человеческого общества произвела эффект разорвавшейся бомбы. Теория о бессознательном, которое влияет на все наши действия и поступки, и о сексуальном влечении как главной движущей силе отдельной личности и общества в целом и по сей день вызывает споры в научной среде, однако невозможно отрицать, что учение Фрейда о психоанализе внесло неоценимый вклад в развитие всей мировой психологии. В работе «Психопатология обыденной жизни» Фрейд рассуждает о психическом механизме забывчивости. Почему хорошо знакомые стихотворные строки выпадают из памяти или заменяются новыми? По какому принципу фамилии соседей и названия улиц вдруг заменяются созвучными? Каким образом воспоминания детства замещают «похожие» воспоминания? В работе «О сновидении» Фрейд возвращается к одной из любимых тем: анализирует и разбирает символику снов. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 159.97
ББК 88.6

ISBN 978-5-17-151545-4

© Фрейд З., 1901,1900

© Издательство АСТ, 1901,1900

Содержание

Психопатология обыденной жизни	7
Глава I	8
Глава II	12
Глава III	16
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Зигмунд Фрейд

Психопатология обыденной жизни. О сновидении

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *В. Желнинова*

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Психопатология обыденной жизни Забывания, оговорки, нелепые действия, суеверия и ошибки

*Теперь весь воздух чарами кишит,
И этих чар никто не избежит¹.
И. В. Гете. «Фауст» (часть II, действие 5)*

Перевод выполнен по изданию 1929 г., расширенному и дополненному в сравнении с первоначальным вариантом 1901 г.

¹ Перевод Н. Холодковского. – Примеч. ред.

Глава I

Забывание имен собственных

В 1898 г. я поместил в «Ежемесячнике психиатрии и неврологии» небольшую статью «О психическом механизме забывчивости»². Содержание этой статьи послужит отправной точкой более подробного обсуждения. На примере, взятом из моей собственной жизни, я подверг психологическому анализу чрезвычайно распространенное явление – временное забывание собственных имен – и пришел к тому выводу, что этот вполне повседневный и в целом лишенный значимых практических последствий вид расстройства психических функций (а именно, способности к припоминанию) допускает объяснение, выходящее далеко за пределы принятых мнений.

Психолог, которого попросят объяснить, почему столь часто мы оказываемся не в состоянии припомнить знакомое имя, довольствуется, скорее всего, замечанием, что имена собственные вообще подвержены выпадению из памяти более всех прочих элементов, составляющих наши воспоминания. Дополнительно психолог выдвинет ряд более или менее правдоподобных предположений в доказательство этого своеобразия собственных имен, однако вряд ли сумеет усмотреть в этих событиях какую-либо иную причинную зависимость.

Для меня поводом для более пристального внимания к забыванию собственных имен стали наблюдения за некоторыми частностями в поведении отдельных индивидуумов (разумеется, подобное встречалось и встречается далеко не во всех индивидуальных случаях без исключения). Под такими случаями я подразумеваю те, когда чье-либо имя не просто выпадало из памяти, но и припоминалось неверно. Попытки вспомнить имя, ускользнувшее из памяти, приводят на ум другие – подставные, если угодно – имена; мы немедленно опознаем эти имена как ошибочные, но они упорно возвращаются и проявляют величайшую навязчивость. Сам процесс, который должен вести к воспроизведению искомого имени, тем самым как бы слегка видоизменяется и обуславливает своего рода подмену имен. Мне представляется, что указанное изменение вовсе не является произвольной игрой психики, что оно проистекает из неких правил, которые возможно выявить и которые подчиняются определенным закономерностям. Иными словами, я предполагаю, что подставляемое имя (имена) состоит в известной связи с позабытым именем; если эту связь удастся обнаружить, мы сможем, хочется надеяться, пролить свет на обстоятельства забывания имен.

В упомянутой статье я рассматривал в качестве примера имя того художника, кисти которого принадлежит фреска «Страшный суд» в соборе итальянского города Орвието³. Вместо искомого имени – Синьорелли – на ум упорно приходили два других – Боттичелли и Больтраффио, причем я сразу понимал, что эти подставные имена ошибочны и отвергал их, а когда мне назвали правильное имя, я признал его без малейших колебаний. Стремление установить, под какими влияниями и в силу каких ассоциаций воспроизведение имени Синьорелли обобщалось ложным припоминанием имен Боттичелли и Больтраффио, привело меня к следующим выводам.

а) Причину того, почему имя Синьорелли ускользнуло из памяти, не следует искать ни в особенностях этого имени самого по себе, ни в психологическом характере того стечения обстоятельств, когда все случилось. Само по себе имя это было мне известно не хуже, чем подставное имя Боттичелли, – и несравненно лучше, чем подставное имя Больтраффио⁴, о

² Zum psychischen Mechanismus der Vergesslichkeit. В общей библиографии работ З. Фрейда эта статья обозначается как [1898b]. – *Примеч. ред.*

³ Эта фреска находится в южной части собора (капелла Мадонны ди Сан-Брицио). – *Примеч. пер.*

⁴ Придворный художник герцога Миланского; считается автором фигуры младенца на картине Л. да Винчи «Мадонна

носителе которого я знал только, что этот художник принадлежал к миланской школе. Сами обстоятельства забывания имени выглядели совершенно безобидными и никак не помогали разобраться: вместе со случайным попутчиком мы ехали из Рагузы (в Далмации) в Герцеговину, беседовали, в частности, о путешествиях по Италии, и я спросил моего спутника, бывал ли он ранее в Орвието и видел ли знаменитые фрески художника (имя выпало из памяти).

б) Понять, почему подлинное имя художника забылось, я сумел, лишь когда припомнил, о чем мы со спутником говорили ранее; тогда-то и стало ясно, что виной всему вторжение предшествующей темы в продолжение беседы. Непосредственно перед тем, как спросить попутчика, доводилось ли ему бывать в Орвието, я обсуждал с ним нравы и обычаи турок, проживающих в Боснии и Герцеговине. Я рассказывал со слов одного коллеги, лечившего этих людей, что для них привычно глубоко доверять врачам и покорно принимать удары судьбы. Если им говорят, что больной безнадежен, они обычно отвечают: «Господин (Herr), что тут скажешь? Будь возможно его спасти, ты бы спас, мы знаем». В этом рассказе прозвучали имена и названия – Босния, Герцеговина (Herzegovina), Herr, – которые поддаются включению в ассоциативную цепочку между именами Синьорелли⁵, Боттичелли и Больтраффио.

в) Полагаю, именно размышления над нравами боснийских турок оказались способными нарушить дальнейший разговор, поскольку я отвлекся от этих размышлений прежде, чем успел додумать все до конца. Помнится, я хотел пересказать моему спутнику еще один случай, связанный в моей памяти с первым. Боснийские турки выше всего на свете ценят плотское наслаждение и потому, случись у них половое расстройство, впадают в отчаяние, которое выглядит поистине странным, если учесть их смиренное ожидание смерти. Один из пациентов моего коллеги сказал однажды: «Знаешь, Herr, если лишиться этого удовольствия, жизнь вообще бессмысленна». Повторю – я хотел было пересказать эту историю, но все-таки воздержался, не желая затрагивать в разговоре с посторонним такую тему. Тем самым получилось, что я отвлек собственное внимание от развития тех мыслей, которые были связаны со смертью и половым возбуждением. Кроме того, я находился тогда под впечатлением от известия, полученного несколькими неделями ранее, когда мне случилось ненадолго остановиться в тирольском местечке Трафои (Trafoi): мой пациент, на лечение которого я потратил много усилий, покончил с собой вследствие неизлечимой половой болезни. Я уверен, что по дороге в Герцеговину ни это печальное известие, ни его предыстория не всплывали в моей сознательной памяти. Однако звуковое сходство (Trafoi – Boltraffio) заставляет предположить, пусть мое внимание было намеренно направлено в другую сторону, что это воспоминание все же пришло ко мне в ходе беседы.

г) После всего сказанного уже невозможно рассматривать исчезновение из моей памяти имени Синьорелли как простую случайность. Я вынужден признать, что здесь проявил себя некий мотив. Это он побудил меня прервать рассказ о нравах турок и отгородиться от связанных с этим рассказом мыслей, как бы вычеркнуть из сознания все то, что касалось известия, полученного в Трафои. То есть я намеревался нечто позабыть – и вытеснил это нечто из памяти. Конечно, я хотел позабыть вовсе не имя художника из Орвието, а что-то другое, но этому другому удалось ассоциативно связаться с его именем, и мой волевой акт в итоге пропал впустую: я забыл кое-что против собственной воли, предполагая на самом деле забыть иное. Нежелание помнить относилось к одному воспоминанию, а неспособность вспомнить проявилась на другом. Разумеется, было бы проще, соотносись нежелание и неспособность с одним и тем же содержанием. Подставные имена, кстати сказать, перестали восприниматься столь произвольными, как изначально: они служили своего рода компромиссом, напоминая мне в

Литта». – Примеч. пер.

⁵ Signor (ит.) – господин. – Примеч. ред.

равной степени о том, что я хотел вспомнить и что желал позабыть; они давали понять, что мое намерение позабыть нечто не увенчалось ни полным успехом, ни полной неудачей.

д) Поистине поразительна связь, что установилась между искомым именем и вытесненной темой смерти и плотского наслаждения, – связь, в которую включились и названия Босния, Герцеговина и Трафои. Ниже приводится схема, которую я составил в 1898 г. и которую воспроизведу здесь снова.

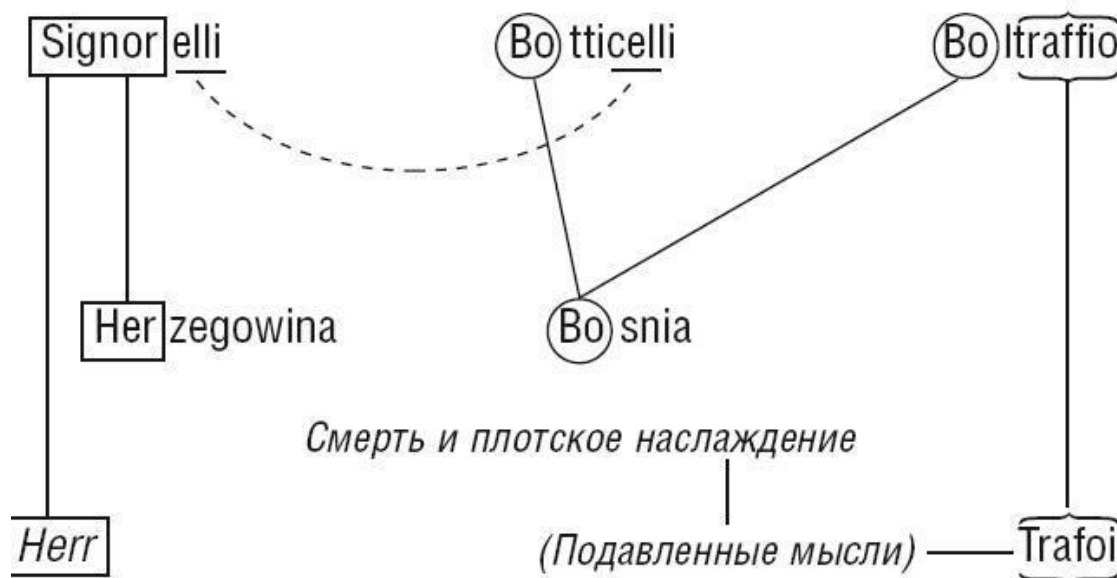

Рис. 1

Имя Signorelli раскладывается как бы на две части. Последние два слога (-elli) воспроизводятся в точности в одном из подставных имен (Botticelli), а первые два подвергаются переводу с итальянского языка на немецкий (signor – Herr), устанавливают целый ряд сочетаний с тем словом, которое фигурировало в вытесненной теме (Herr, Herzegowina), но по этой причине выпадают из сознательного воспроизведения. Замена произошла так, будто случилось некое смещение вдоль по словосочетанию «Герцеговина и Босния», причем независимо от смысла этих слов и от звукового разграничения отдельных слогов. То есть названия механически разделились, как обычно поступают с картинками-загадками при составлении ребусов. В результате имя Синьорелли заменилось двумя другими без всякого участия сознательного ума. Поначалу не удастся обнаружить никакой связи между именем Синьорелли и вытесненной темой, помимо совпадения одних и тех же слогов (точнее, сочетаний букв).

Быть может, не покажется преувеличением утверждение, что условия, принимаемые психологами за необходимые для воспроизведения и забывания, – те условия, которые психологи норовят выявлять в известных соотношениях и расположениях психических элементов, – вполне согласуются с приведенным выше объяснением. Мы лишь добавили к давно признанным факторам забывания мотив как условие для ряда случаев – и прояснили механизм неправильного припоминания. Что касается упомянутого расположения элементов, оно необходимо и в нашем случае, иначе то, что вытесняется, не могло бы вступать в ассоциативную связь с искомым именем и тем самым обрекать последнее на вытеснение. Пожалуй, какое-либо другое имя, более приспособленное, если угодно, для воспроизведения, могло бы избежать такого забвения. Ведь подавленный элемент постоянно стремится напомнить о себе, но преуспевает в этом лишь там, где имеются соответствующие благоприятные условия. С другой стороны,

вытеснение возможно без функционального расстройства – или, как мы могли бы с полным правом сказать, без малейших симптомов.

Сводя воедино все те условия, при которых забываются и неправильно воспроизводятся имена, мы получим следующую картину: 1) определенное расположение духа и ума, благоприятное для забывания; 2) вытеснение, имевшее место недавно; 3) возможность установить внешнюю ассоциативную связь между соответствующим именем и вытесненным элементом. Думаю, нет нужды приписывать особое значение последнему условию, потому что ассоциативная связь обыкновенно устанавливается очень просто, и это происходит в большинстве случаев. Зато встает более важный вопрос, может ли внешняя ассоциация служить достаточным основанием для того, чтобы вытесненный элемент помешал воспроизведению искомого имени; не требуется ли здесь иная, более тесная связь между двумя темами? При поверхностном наблюдении велик соблазн пренебречь этим последним требованием, так как выглядит убедительным временное совпадение, не предполагающее внутренней связи. Впрочем, при более внимательном изучении все чаще оказывается, что связанные внешней ассоциацией элементы обладают и некоторой содержательной связью, что очевидно в нашем примере с именем Синьорелли.

* * *

Ценность тех выводов, к которым мы пришли в результате нашего анализа имени Синьорелли⁶, зависит, конечно, от того, считать ли данный пример типическим или единичным. Лично мне кажется, что забывание и неправильное воспроизведение имен происходит очень и очень часто именно так, как было описано выше. Почти каждый раз, как мне выпадало наблюдать это явление на собственном опыте, я получал возможность объяснить его указанным способом, то есть как акт, мотивированный вытеснением. Приведу еще одно соображение, подтверждающее типический характер нашего наблюдения. Нет, на мой взгляд, никаких оснований проводить принципиальное различие между случаями забывания, когда отмечается неправильное воспроизведение имен, и простым забыванием, когда подставные имена на ум не приходят. В ряде случаев эти подставные имена всплывают самопроизвольно; в других случаях их можно вызвать сосредоточением внимания, и тогда они обнаруживают такую же связь с вытесненным элементом и искомым именем, как и при самопроизвольном появлении. Решающее значение здесь имеют, по-видимому, два фактора – упомянутое сосредоточение внимания и некое внутреннее состояние, обусловленное свойствами самого психического материала (возможно, это и есть расположенность, в которой возникает необходимая внешняя ассоциация между обоими элементами). Следовательно, немалое количество случаев простого забывания без подставных имен можно отнести к тому же разряду, для которого типичен пример с именем Синьорелли. Не стану утверждать, будто сюда могут быть причислены все случаи забывания имен: наверняка найдутся иные, более простые явления. Но, думаю, можно с достаточной осторожностью заявить, подводя итог наблюдениям, следующее: наряду с обыкновенным забыванием собственных имен встречаются случаи забывания мотивированного, когда мотивом выступает вытеснение.

⁶ Краткий анализ этого случая был сделан Фрейдом в письме к В. Флиссу от 22 сентября 1898 г., сразу по возвращении в Вену из поездки на побережье Далмации. – *Примеч. ред. оригинального издания.* В. Флисс – немецкий отоларинголог, автор псевдонаучной теории биоритмов. – *Примеч. ред.*

Глава II

Забывание иностранных слов

Слова, обычно используемые в нашем родном языке, защищены, по-видимому, от забывания в условиях нормального употребления. Но совсем иначе, как известно, обстоит дело со словами иностранными. Предрасположенность к их забыванию очевидна для всех частей речи, а начальная ступень функционального расстройства проявляется в неравномерности нашей готовности обращаться к чужеземным словам – в зависимости от нашего общего состояния здоровья и от степени усталости. В ряде случаев забывание опирается на тот же механизм, который был раскрыт нами в примере с именем Синьорелли. Чтобы доказать это, я приведу анализ всего одного, зато крайне показательного случая, когда забыто было иностранное слово (не существительное) из латинской цитаты. Позволю себе изложить этот небольшой эпизод подробно и наглядно.

Прошлым летом я возобновил, путешествуя на вакациях, знакомство с одним молодым человеком, получившим университетское образование и прочитавшим, как я вскоре догадался, некоторые мои психологические работы. В разговоре мы коснулись – уже не вспомнить, почему – социального положения той народности (Volksstammes), к которой мы оба принадлежим; честолюбие побудило моего знакомого посетовать на то, что его поколение обречено, как он выразился, «хиреть», что ему не дано развивать свои таланты и удовлетворять свои потребности. Эту страстную речь он закончил известным стихом Вергилия – тем самым, в котором злосчастная Дидона завещает грядущим поколениям отомстить Энею: «Exoriare...» – и так далее⁷. Вернее, он хотел так закончить, но в точности цитату вспомнить не сумел – и попытался спрятать свой промах при помощи перестановки слов: «Exoriar(e)... nostris ex ossibus ultori». В конце же концов он с досадой сказал: «Пожалуйста, не смотрите столь насмешливо, будто вам доставляет удовольствие мое смущение. Лучше помогите мне. В строке явно чего-то не хватает. Как она, собственно, звучит в подлиннике?» – «Охотно помогу, – ответил я и процитировал латинский текст. – Exoriar(e) aliquis nostris ex ossibus ultori». – «Как глупо позабыть такое слово! – воскликнул он. – Впрочем, вы утверждаете, что мы ничего не забываем без причины. В высшей степени интересно было бы узнать, каким образом я, по-вашему, умудрился забыть это неопределенное местоимение aliquis».

Я с готовностью принял этот вызов, надеясь получить новый вклад в свою коллекцию. «Сейчас мы это узнаем, – сказал я. – Но должен попросить, чтобы вы сообщали, откровенно и не анализируя, все, что вам придет в голову, едва вы сосредоточите свое внимание на позабытом слове без какого-либо определенного намерения»⁸. – «Хорошо. Мне приходит в голову курьезная мысль расчлнить слово следующим образом: а- и – liquis». – «Зачем?» – «Не знаю». – «Что вам приходит дальше на ум?» – «Дальше идет так: реликвии, ликвидация, жидкость, флюид... Дознались вы уже до чего-нибудь?» – «Нет, до этого далеко, продолжайте». – «Ладно. – Тут он язвительно усмехнулся. – Еще я думаю о Симоне Трентском, реликвии которого я видел два года тому назад в одной церкви в Тренте. Думаю об обвинении в кровавом навете⁹, выдвигаемом как раз теперь против евреев, и о книге Кляйнпауля¹⁰, который во всех

⁷ «Энеида», песнь 4; в переводе С. Шервинского – «О, приди же, восстань из праха нашего, мститель». – *Примеч. ред.*

⁸ Это распространенный способ восстановления скрытых идеациональных элементов в сознании. См. мою работу «Толкование сновидений». – *Примеч. авт.*

⁹ Симон Трентский – двухлетний мальчик, исчезновение которого было приписано местной еврейской общине; был причислен к лику святых, но в 1965 г. это решение отменили. Кровавый навет – общее название группы сюжетов, связанных с обвинениями евреев в убийстве людей другого вероисповедания; один из поздних примеров кровавого навета – знаменитое «дело Бейлиса». – *Примеч. ред.*

¹⁰ Имеется в виду книга немецкого писателя Р. Кляйнпауля (Клейнпауля) «Человеческие жертвоприношения и ритуальные

этих мнимых жертвах усматривает новые воплощения, так сказать новые издания Христа». – «Эта мысль не совсем чужда той теме, которую мы с вами обсуждали, когда вы подзабыли латинское слово». – «Верно. Я думаю, далее, о статье в итальянской газете, которую я недавно читал. Помнится, она называлась “Что говорит святой Августин о женщинах?” Итак, что скажете?» – «Я жду». – «Ладно. Теперь будет нечто такое, что уже наверняка не имеет никакого отношения к нашей теме». – «Пожалуйста, воздержитесь от высказывания мнений». – «Да, я уже понял... Мне вспоминается один забавный старичок, с которым я познакомился на прошлой неделе. Настоящий *оригинал*. Похож на большую хищную птицу. Зовут его, если хотите знать, Бенедикт». – «Что ж, мы имеем, по крайней мере, сопоставление святых и отцов церкви: святой Симон, святой Августин, святой Бенедикт. Одного из отцов церкви, кажется, звали *Ориген*. Три имени дают детям и поныне, как и имя Пауль, которое входит составной частью в фамилию Кляйнпауля». – «Еще мне вспоминается святой Януарий и его чудо с кровью...»¹¹ Вообще, впечатление такое, что все идет как-то уже механически!» – «Погодите. Святой Януарий и святой Августин оба связаны с календарем, это ясно. Однако напомните, в чем состояло чудо с кровью святого Януария?» – «Да вы наверняка знаете. В одной церкви в Неаполе хранится сосуд с кровью святого Януария, и в особый праздничный день в году эта кровь чудесным образом разжижается. Народ чрезвычайно дорожит этим чудом и приходит в сильное возбуждение, если оно почему-либо медлит случиться, как было однажды при французах¹². Тогда командир – или, может, это был Гарибальди? – отвел в сторону священника, махнул рукой в сторону солдат, выстроенных на улице, и сказал – мол, он надеется, что чудо вскоре совершится. Так и вышло...» – «Что же дальше? Почему вы запнулись?» – «Теперь мне и вправду кое-что пришло на ум... Но это слишком личное и не подлежит огласке... К тому же я не вижу никакой связи и никакой надобности рассказывать об этом». – «О связи предоставьте судить мне. Я, конечно, не могу заставить вас рассказывать о неприятном, однако и вы тогда не требуйте от меня, чтобы я объяснил, каким образом вы забыли слово *aliquis*». – «Вот как? Значит, настаиваете? Хорошо, я внезапно подумал об одной даме, от которой вполне могу получить известие, очень неприятное для нас обоих». – «О том, что пропущены месячные?» – «Как вы смогли отгадать?» – «Это ничуть не трудно, вы меня достаточно подготовили. Смотрите сами – календарные святые, разжижение крови в определенный день в году, возмущение толпы, когда событие не происходит, недвусмысленная угроза, что чудо должно совершиться, не то... Вы сделали из чуда святого Януария прекрасный намек на нездоровье вашей знакомой». – «Сам того не ведая! По-вашему, из-за этого вот тревожного ожидания я был не в состоянии воспроизвести словечко *aliquis*?»

«Мне представляется это совершенно несомненным. Вспомните ваше желание расчленить слово *a-liquis* и дальнейшие ассоциации: реликвии, ликвидации, жидкость... Я мог бы еще добавить сюда святого Симона, принесенного в жертву ребенком; вы ведь подумали о нем, вспомнив о реликвиях...» – «Прошу, остановитесь. Не нужно принимать настолько всерьез эти мои мысли, пускай я ничего не придумывал. Наверное, стоит признаться, что дама, о которой идет речь, – итальянка; это в ее обществе я посетил Неаполь. Но разве это не может быть совпадением?» – «Можно ли объяснять все случайностью, решайте сами. Я лишь отмечу, что всякий подобный случай, подвергнутый анализу, приведет вас к столь же замечательным “случайностям”»¹³.

убийства» (1892). – *Примеч. ред.*

¹¹ Речь о священномученике Януарии, покровителе Неаполя. – *Примеч. пер.*

¹² В январе 1799 г. Неаполь был захвачен французской армией под командованием генерала Ж. Шампийонне, который для привлечения на свою сторону местного населения потребовал от клириков городского собора явить чудо святого Януария. После угрозы расстрела чудо действительно совершилось 24 января 1799 г. – *Примеч. пер.*

¹³ Этот короткий образчик анализа привлек к себе повышенное внимание ученых и вызвал оживленное обсуждение. Опираясь на него, Блейлер в 1919 г. предпринял попытку математически установить степень достоверности психоаналитических

* * *

Целый ряд причин заставляет меня высоко ценить этот краткий анализ, за который я искренне благодарен своему спутнику. Во-первых, я получил возможность воспользоваться источником сведений, к которому обычно не имею доступа. По большей части мне приходится добывать примеры нарушения психических функций в обыденной жизни через наблюдение за самим собой. Несравненно более богатый материал, доставляемый многими невротическими пациентами, я стараюсь оставлять в стороне во избежание возражений, что здесь все объясняется именно невротизмом или их последствиями. Вот почему для моих целей особенно важными оказываются те случаи, когда посторонний человек в душевном здравии соглашается быть объектом подобного исследования. Приведенный анализ имеет и другое значение, ибо проливает свет на забвение слова без появления подставных слов и подтверждает установленный мною выше факт, что появление или отсутствие подставных слов не может обуславливать существенные различия¹⁴.

Но главная ценность примера *aliquis* заключается в другой особенности, отличающей его от случая с именем Синьорелли. Воспроизведение имени нарушалось воздействием цепочки размышлений, незадолго до того оборванной, но по своему содержанию не стоявшей ни в какой заметной связи с новой темой, заключавшей в себе имя Синьорелли. Между вытесненным элементом и темой забытого имени существовало лишь временное сходство, которого было достаточно для того, чтобы оба эти элемента связались один с другим посредством внешней ассоциации¹⁵. Напротив, в примере *aliquis* нет и следа подобного: самостоятельная вытесненная тема не занимает непосредственно перед случившимся сознательное мышление и не продолжает затем воздействовать в качестве расстраивающего фактора. Расстройство воспроизводства обусловлено природой самой темы – против выраженного в цитате пожелания выдвигается

толкований – и пришел к выводу, что результаты такого анализа намного достовернее обилия медицинских «фактов», долгое время не подвергавшихся сомнению; ценность психоанализа заключается в том, что для нас, людей науки, непривычно принимать во внимание психологические соображения. – *Примеч. авт.* Э. Блейлер – швейцарский психиатр, ввел в употребление понятия шизофрении и аутизма. – *Примеч. пер.*

¹⁴ Более тщательное наблюдение несколько суживает различие между случаями с именем Синьорелли и с латинским словечком *aliquis*, если учитывать подставные воспоминания. По всей видимости, во втором примере забвение также сопровождается замещением. Когда я впоследствии спросил своего собеседника, не пришло ли ему в голову, пока он силился вспомнить недостающее слово, какое-либо другое на замену, он ответил, что чуть не поддался искушению вставить в цитату слово *ab: «postris ab ossibus»* (как бы «осколок» от *a-liquis*), а затем – что ему особенно отчетливо и настойчиво навязывалось слово *exoriare*, – наверное, прибавил он с характерным скептицизмом, «потому что это первое слово стиха». Когда я попросил его перечислить ассоциации с *exoriare*, он назвал в первую очередь экзорцизм. Нетрудно догадаться, что такое усиление слова *exoriare* при воспроизведении равносильно образованию подставного слова. Оно могло исходить от имени святых через ассоциацию с экзорцизмом. Впрочем, это тонкости, которым нет нужды придавать чрезмерное значение. Правда, психолог Уилсон (1922) считает такое усиление очень важным для понимания, поскольку экзорцизм выступает наилучшей символической заменой вытесненных мыслей об избавлении от нежеланного ребенка посредством аборта. С благодарностью принимаю это уточнение, хотя оно несколько не ослабляет других выводов. Возможно, что всплывание того или иного подставного воспоминания служит постоянным (или просто характерным и показательным) признаком «целенаправленности» забывания, которое мотивируется вытеснением. Процесс образования подставных имен мог бы происходить даже в тех случаях, когда всплывание неверных имен не совершается; тогда он выражался бы через усиление какого-либо элемента, близкого позабытому. В примере с именем Синьорелли меня неотступно, пока я тисился вспомнить правильную фамилию, преследовало необычайно яркое зрительное воспоминание о фресках и о портрете художника в углу одной из них; это воспоминание было гораздо насыщеннее, чем у меня бывает обычно. В другом случае, также описанном в моей статье 1898 г., я безнадежно позабыл название одной улицы в чужом городе, на которую мне предстояло пойти с неприятным визитом, зато номер дома помнил предельно четко, хотя обыкновенно запоминая числа с величайшим трудом. – *Примеч. авт.* П. Уилсон – английский философ и психолог; см. библиографию. – *Примеч. пер.*

¹⁵ Я не убежден в полном отсутствии всякой внутренней связи между обоими наборами мыслей в примере с именем Синьорелли. При тщательном рассмотрении вытесненных мыслей на тему смерти и плотских радостей все же наталкиваешься на идею, ничуть не чуждую тематике фресок в Орвието. – *Примеч. авт.* Доктор Рихард Карпе предположил наличие здесь связи с посещением автором этрусского захоронения близ Орвието (см. «Толкование сновидений» и раннюю статью Фрейда). – *Примеч. ред. оригинального издания.*

бессознательное возражение. Обстоятельства следует себе представлять следующим образом. Говоривший сожалеет по поводу того, что нынешнее поколение его соотечественников ограничено в правах; это новое поколение, предсказывает он вслед за Дидоной, отомстит притеснителям. Тем самым он высказывает пожелание о потомстве. В этот миг является противоречая мысль: «Да полно! Неужели ты так горячо желаешь себе потомства? Это неправда. В каком затруднительном положении ты очутишься, если поступит весть, что тебе предстоит обзавестись потомством от известной тебе женщины! Нет, не надо потомства, при всей потребности в мщении». Это противоречие выражается тем же способом, что и в случае с именем Синьорелли: образуется внешняя ассоциация между каким-либо идеациональным (умственным. – *Ред.*) представлением и каким-нибудь элементом отвергнутого пожелания, причем произвольным, в высшей степени искусственным путем. Второй же существенный пункт сходства со случаем имени Синьорелли заключается в том, что противоречие опирается на вытесненные элементы и исходит от мыслей, которые могли бы отвлечь внимание.

На этом мы покончим с различиями и внутренним сходством обоих примеров забывания имен. Мы познакомились еще с одним механизмом забывания – нарушением хода мысли силой внутреннего противоречия, восходящего к вытеснению чего-либо. Это, на мой взгляд, понять проще, и с данным процессом мы неоднократно будем встречаться в дальнейшем изложении.

Глава III

Забывание имен и словосочетаний

Наблюдения, сходные с приведенными выше – по поводу забывания отдельных единиц в цепочке иностранных слов, – заставляют задуматься над объяснением забывания словосочетаний на родном языке: требуется ли тут существенно иное обоснование? Обыкновенно мы нисколько не удивляемся, когда заученная наизусть формула или стихотворение спустя некоторое время воспроизводятся неточно, с изменениями и пропусками. Впрочем, забывание не является равномерным и единообразным воздействием на целое, каким бы то ни было; наоборот, ему как будто подвергаются отдельные «куски» целого, и потому представляется полезным изучить также ошибочные случаи подобного рода.

Один молодой коллега в разговоре со мной высказал предположение, что забывание стихотворений на родном языке во многом, не исключено, опирается на те же мотивы, что и забывание отдельных частей в цепочке иностранных слов. При этом он вызвался выступить в качестве объекта исследования. Я спросил его, на каком стихотворении он хотел бы произвести опыт, и он выбрал «Коринфскую невесту» Гете – стихотворение, которое ему близко и из которого он помнит наизусть несколько строф целиком. С самого начала опыта коллега выказал любопытное замешательство. «Какие там первые слова? – спросил он. – Von Korinthus nach Athen (из Коринфа в Афины. – *Ред.*) gezogen или Nach Korinthus von Athen (в Коринф из Афин. – *Ред.*) gezogen?» Я тоже призадумался, но потом со смехом заметил, что уже само название стихотворения не оставляет сомнений в том, куда лежит путь героя этого текста. Воспроизведение первой строфы прошло гладко – без очевидных искажений. Первую строку второй строфы коллега вспомнил не сразу, а далее продолжил так:

Aber wird er auch willkommen scheinen,
Jetzt, wo jeder Tag was Neues bringt?
Denn er ist noch Heide mit den Seinen
Und sie sind Christen und – getauft¹⁶.

Он еще не дочитал строфу до конца, а я уже насторожился; по окончании же последней строки мы оба согласились с тем, что где-то произошло искажение. А поскольку нам не удалось исправить этот сбой самостоятельно, то мы взяли с полки томик Гете, отыскиали это стихотворение – и, к нашему удивлению, выяснили, что вторая строка этой строфы выглядит совершенно иначе: содержание подлинника оказалось как бы вычеркнутым из памяти моего коллеги и заменилось другим, чужеродным. У Гете стих гласит:

Aber wird er auch willkommen scheinen
Wenn er teuer nicht die Gunst erkaufte?¹⁷

Слово *erkaufte* рифмуется с *getauft* двумя строками ниже, и мне показалось странным, что даже такое необычное сочетание слов в строфе («язычник», «христиане», «крещены») мало помогло восстановлению текста.

¹⁶ «Но какой для доброго приема От него потребуют цены? Он – дитя языческого дома, А они – недавно крещены!» (Здесь и далее перевод А. К. Толстого). – *Примеч. ред.*

¹⁷ Букв. «Но будет ли он желанным гостем, / Если не купит милости дорогой ценой?» – *Примеч. ред.*

– Можете вы объяснить, – спросил я коллегу, – почему в этом стихотворении, столь хорошо вам, по вашим словам, знакомом, вы полностью заменили одну строку? Быть может, у вас найдутся догадки о причинах состоявшейся подмены?

Коллега, поразмыслив, привел объяснение, пусть и с явной неохотой:

– Строка *Jetzt, wo jeder Tag was Neues bringt* («Ныне, когда каждый день приносит что-то новое». – *Ред.*) кажется знакомой. По всей видимости, я произносил эти слова недавно, рассуждая о своей практике, которая, как вам известно, вполне меня удовлетворяет. Но почему она встроилась в стихотворение? Пожалуй, вот почему. Строка *Wenn er teuer nicht die Gunst erkaufte* меня очевидно раздражала. Она напоминает о сватовстве, которое было отвергнуто, но которое теперь, ввиду своего улучшившегося материального положения, я хочу повторить. Большого я вам сказать не могу, однако ясно, что при утвердительном ответе мне вряд ли может быть приятной мысль о том, что оба раза за чувствами скрывается меркантильный расчет.

Это было вполне понятно даже без выяснения дальнейших подробностей, но я все-таки продолжил расспрашивать.

– Как вышло, что вы ухитрились связать ваши личные дела с текстом «Коринфской невесты»? Неужели у вас тоже, как и в этом стихотворении, имеются различия религиозного характера?

«Где за веру спор,
Там, как ветром сор,
И любовь, и дружба сметены».

Я не угадал, но забавно было наблюдать, как своевременно заданный вопрос открывает собеседнику глаза и побуждает сообщать в ответ что-то такое, что прежде, быть может, и вовсе не приходило ему на ум. Коллега бросил на меня уязвленный, даже негодующий взгляд и негромко произнес следующие строки:

Sieh' sie an genau!
Morgen ist sie grau¹⁸.

– Она несколько старше меня, – прибавил он коротко.

Чтобы не мучить коллегу дольше, я прекратил расспросы. Полученное объяснение показалось мне достаточным. Но удивительно, что попытка прояснить безобидную будто бы ошибку памяти вскрыла столь глубинные обстоятельства личной жизни человека, связанные вдобавок с неприятным аффектом.

* * *

Другой пример забвения части известного стихотворения я заимствую из рассказа К. Г. Юнга¹⁹ в авторском изложении.

«Один человек хочет продекламировать известное стихотворение *Ein Fichtenbaum steht einsam*²⁰. На строке “И дремлет качаясь...” он безнадежно запинаясь; слова “И снегом сыпу-

¹⁸ «Присмотрись к ней, / Завтра она поседеет». – *Примеч. ред.* Мой коллега преднамеренно изменил содержание и порядок слов в этой цитате. У Гете призрачная дева говорит жениху так: *Meine Kette hab' ich dir gegeben; Deine Locke nehm' ich mit mir fort. Sieh sie an genau! Morgen bist du grau, Und nur braun erscheinst du wieder dort.* («Цепь мою тебе передала я, Но волос твоих беру я прядь. Ты их видишь цвет? Завтра будешь сед, Русым там лишь явишься опять!» – *Ред.*). – *Примеч. авт.*

¹⁹ См. статью «О психофизических зависимостях в ассоциативном эксперименте» (том 2 собрания сочинений К. Г. Юнга). – *Примеч. ред.*

²⁰ Стихотворение Г. Гейне, которое в переводе М. Лермонтова начинается со слов «На севере диком стоит одиноко». –

чим покрыта, как ризой, она” совершенно выпадают у него из памяти. Забывание столь известного стиха показалось мне крайне странным, и я попросил этого человека воспроизвести, что приходит ему в голову в связи со строкой “Снегом сыпучим покрыта, как ризой” (mit weißer Decke). Получился следующий ряд: “При словах о белой ризе я думаю о простыне поверх мертвого тела, – пауза, – теперь мне вспоминается мой близкий друг – его брат недавно скоропостижно умер, кажется, от удара, – он был тоже полного телосложения, и я думал, что и с ним может случиться такое – он, по-моему, ведет малоподвижный образ жизни; когда я услышал об этой смерти, то вдруг испугался за себя, потому что у нас в семействе налицо склонность к полноте, и мой дедушка тоже умер от удара; я считаю и себя чересчур полным и потому начал на днях курс похудения”». По замечанию Юнга, этот человек подсознательно отождествил себя с сосной, закутанной в белый саван.

* * *

Следующий пример забывания цепочки слов – им я обязан моему другу Шандору Ференци из Будапешта²¹ – отличается от предыдущих тем, что это случай забывания собственной фразы, а не какой-либо цитаты. Кроме того, этот пример служит довольно необычным доказательством здравомыслия, ибо забвение приходит на помощь, когда налицо угроза поддаться сиюминутному желанию. То есть забвение оказывается полезной функцией психики. Совладав с наплывом чувств, мы сможем оценить важность этого внутреннего фактора, пусть ранее он вызывал только раздражение – ведь забывчивость воспринималась как психическое бессилие.

«На светском собрании кто-то процитировал фразу: Tout comprendre c'est tout pardonner²². Я заметил, что первой части фразы уже достаточно; “прощение” сродни проявлению высокомерия, ибо прощать – удел Всевышнего и священников. Одному из присутствующих мое замечание показалось здравым, и это одобрение побудило меня заявить – полагаю, с намерением закрепить хорошее мнение о себе у благожелательного критика, – что недавно я придумал фразу получше. Но, попытавшись ее произнести вслух, я вдруг осознал, что ничего не могу вспомнить. Тогда я немедленно уединился и сел записывать спонтанные ассоциации (подставные идеи. – *Авт.*). Сначала мне вспомнились имя одного приятеля и название улицы в Будапеште, где родилась искомая фраза; далее вспомнился другой мой приятель, Макс, которого обычно все зовут Макси. Отсюда возникло слово “максима”; я припомнил, что в тот день, как и сейчас, мы искали способ подправить некое известное изречение. Как ни странно, следующей мыслью была не очередная максима, а такая фраза: “Бог сотворил человека по образу Своему”, причем переделанная наоборот: “Человек сотворил Бога по образу своему”. Тут же всплыло воспоминание о том, что я искал. Мой приятель сказал мне тогда на улице Андраши: “Ничто человеческое мне не чуждо”, – а я ответил ему, намекая на достижения психоанализа: “Вы должны пойти дальше и признать, что вам не чуждо ничто животное”.

Припомнив наконец то, что так долго вспоминал, я, однако, сообразил, что отнюдь не рвусь делиться своей находкой с тем обществом, в котором мне довелось находиться. Среди присутствующих была молодая жена моего приятеля, того самого, кому я указал на животную природу бессознательного; разумеется, она никоим образом не была готова к восприятию столь жестоких истин. Моя забывчивость избавила меня от неприятных вопросов с ее стороны и от бессмысленного спора. Вот, должно быть, истинный мотив и истинная причина моей “временной амнезии”.

Примеч. ред.

²¹ Ш. Ференци – венгерский психоаналитик, один из активных сторонников учения Фрейда. – *Примеч. пер.*

²² Понять – значит простить (*фр.*). – *Примеч. ред.*

Любопытно, что цепочку ассоциаций вызвала фраза, в которой Всевышний низводится до человеческой выдумки, а в позабытом предложении содержался намек на животную природу человека. *Capitis diminutio*, лишение статуса, оказывается тем самым общим элементом обеих фраз. Ясно, что перед нами продолжение цепочки размышлений о понимании и прощении, затронутых в разговоре.

Тот факт, что позабытое удалось восстановить так быстро, может объясняться, кстати, моим поспешным уединением в пустующей комнате, где мне никто не мешал и никто меня не отвлекал».

* * *

С тех пор я провел множество исследований по случаям забывания или неправильного воспроизведения слов и отрывков; схожие результаты опытов склоняют меня к допущению, что механизм, выявленный нами в примерах со словом *aliquis* и с цитатой из «Коринфской невесты», распространяет свое действие почти на все случаи забывания. Вообще делиться подробностями таких изысканий не очень-то принято, ибо они затрагивают, как мы видели, обстоятельства частной жизни, нередко тягостные для обследуемых; поэтому не стану множить примеры сверх уже приведенных. Общим для всех случаев, независимо от материала, остается тот факт, что позабытое или искаженное слово или словосочетание соединяется посредством той или иной ассоциации с неким бессознательным представлением, от которого и исходит действие, обретающее форму забывания.

* * *

Вернемся вновь к забыванию имен: эту область мы еще не исчерпали ни по содержанию, ни по мотивировкам. Поскольку именно эти упущения памяти я неоднократно имел возможность наблюдать на себе самом, то примеров здесь достаточно. Легкие мигрени, которыми я и поныне страдаю, вызывают у меня за несколько часов до своего появления забывание имен, а в разгар мигрени я и подавно, не теряя способности работать, забываю всякие собственные имена. Как раз такого рода случаи, между прочим, могут дать повод к принципиальным возражениям против всех наших попыток в области анализа. Ведь не вытекает ли из подобных наблюдений тот вывод, что причина забывчивости, в особенности забывания собственных имен, лежит в нарушении микроциркуляции крови в коре головного мозга и общем функциональном расстройстве этой коры? А потому любые попытки психологического объяснения этих явлений, дескать, излишни? По моему мнению – ни в коем случае; утверждая это, мы путаем единообразный для всех случаев механизм процесса с благоприятствующими процессу условиями, которые разнятся и которые не являются сущностно необходимыми. Не вдаваясь в обстоятельный разбор, ограничусь для устранения этого возражения всего одной аналогией.

Допустим, я проявил легкомыслие и отправился на ночную прогулку по отдаленным пустынным улицам большого города. На меня напали и отняли часы и кошелек. В ближайшем полицейском участке я сообщаю о случившемся в следующих выражениях: я был на такой-то улице, и там одиночество и темнота лишили меня часов и кошелька. Хотя этими словами я не выразил ничего такого, что не соответствовало бы истине, все же меня почти наверняка примут за человека, находящегося не в своем уме. Чтобы правильно изложить обстоятельства дела, я должен был бы сказать, что в уединенном месте и под покрытием темноты неизвестные меня ограбили, воспользовавшись обстоятельствами. При забывании имен дело обстоит точно так же: под влиянием усталости, расстройства циркуляции и интоксикации некая неведомая психическая сила отнимает у меня способность располагать собственными именами в моей

памяти. Та же сила в иных случаях может вызвать провалы в памяти и при полном здоровье и свежести.

Анализируя наблюдаемые на себе самом случаи забывания имен, я почти регулярно нахожу, что искомое имя обычно имеет то или иное отношение к какой-либо теме, близко меня касающейся и способной вызвать во мне сильные, нередко мучительные аффекты. В согласии с полезной и целесообразной практикой цюрихской школы психиатрии выражу эту мысль иначе: ускользнувшее из моей памяти имя затрагивает какой-то «личный комплекс»²³. Отношение этого имени к моей личности бывает неожиданным, часто устанавливается путем поверхностной ассоциации (двусмысленное слово, созвучие); его можно вообще обозначить как стороннее отношение. Несколько простых примеров лучше всего пояснят его природу.

а) Пациент просит меня посоветовать какой-либо курорт на Ривьере. Я знаю одно такое место в ближайшем соседстве с Генуей, помню фамилию немецкого врача, практикующего там, но самой местности назвать не могу, хотя, казалось бы, знаю ее прекрасно. Приходится попросить пациента обождать, пока я уточняю у домашних, как называется местность близ Генуи – там, где лечебница доктора N, в которой так долго лечилась такая-то дама. Мне говорят, что уж я-то не должен был забыть это название. Местечко зовется Нерви. В самом деле, психиатру, часто сталкивающемуся с нервными расстройствами, полагалось бы помнить это название.

б) Другой пациент рассказывает о близлежащей сельской местности и утверждает, что кроме двух известных ресторанов там есть еще и третий, с которым у него связано определенное воспоминание; сейчас он скажет название. Я отрицаю существование третьего ресторана и ссылаюсь на то, что семь летних сезонов подряд жил в этой местности и, стало быть, знаю ее лучше, чем мой собеседник. Раздраженный моим возражением, он между тем вспоминает, что ресторан называется «Хохвартнер». Мне приходится уступить и признать, что все эти семь лет я жил по соседству с рестораном, существование которого отрицал. Почему я позабыл и название, и сам факт существования ресторана? Думаю, все потому, что это название слишком отчетливо напоминает мне фамилию одного венского коллеги и затрагивает во мне, опять-таки, «профессиональный комплекс».

в) На вокзале в Райхенгалле я собирался взять билет и не мог вспомнить, как называется прекрасно известная мне ближайшая большая станция, через которую я так часто проезжал. Приходится самым тщательным образом искать ее в расписании поездов. Станция называется Розенхайм. Тотчас стало понятно, в силу какой ассоциации это название от меня ускользнуло. Часом раньше я навещал свою сестру, жившую близ Райхенгалля; сестру зовут Роза, значит, я был в «обители Розы» (Rosenheim). Название станции у меня похитил, если угодно, «семейный комплекс».

г) Прямо-таки грабительское воздействие семейного комплекса можно проследить на целом ряде примеров.

Однажды ко мне на консультацию пришел молодой человек, младший брат одной моей пациентки; я видел его бесчисленное множество раз и привык, говоря о нем, называть по имени. Когда затем я захотел рассказать о его посещении, оказалось, что я позабыл его имя – вполне, как мне помнилось, обыкновенное – и не мог никак восстановить его в своей памяти. Тогда я пошел на улицу читать вывески – и мгновенно вспомнил, как зовут этого человека, едва его имя встретилось в надписи. Анализ показал, что я провел параллель между этим человеком и моим собственным братом, как бы пытаюсь ответить на вытесненный вопрос: поступил бы мой брат в подобном случае точно так же или повел бы себя иначе? Внешняя связь между мыслями о чужой семье и о моей собственной установилась благодаря той случайности, что здесь и там имя матери было одинаковым – Амалия. Я понял далее и смысл подставных имен,

²³ Имеется в виду школа аналитической психологии К. Г. Юнга, который постулировал существование в душе эмоционально окрашенных совокупностей (комплексов) представлений, мотивов и установок. – *Примеч. пер.*

которые мне почему-то навязывались. Эти имена, Даниель и Франц, пришли, как и имя Амалия, из шиллеровских «Разбойников» под влиянием очередной шутки Даниеля Шпицера, он же «венский гуляка»²⁴.

д) В другой раз я не мог припомнить имени моего пациента, с которым был знаком еще с юных лет. Анализ пришлось вести длинным обходным путем, прежде чем удалось получить искомое имя. Пациент сказал однажды, что боится потерять зрение; это вызвало во мне воспоминание об одном молодом человеке, который ослеп вследствие огнестрельного ранения; в свою очередь, на это наложилось воспоминание еще об одном молодом человеке, который стрелял в себя, – фамилия его та же, что и у первого пациента, хотя они не родственники. Однако искомое имя я вспомнил, лишь когда установил, что мои опасения были перенесены с этих двух юношей на человека, принадлежащего к моему семейству.

Непрерывный поток «личных сведений» течет, таким образом, в моем сознании, и обычно я о нем не подозреваю, но он дает о себе знать через подобного рода забывание имен. Я словно вынужден сравнивать все то, что слышу о других людях, с собою самим; будто при всяком известии о других приходят в действие некие мои личные комплексы. Это ни в коем случае не может быть моей индивидуальной особенностью; скорее, тут надо усматривать общее указание на то, каким образом мы вообще понимаем других. Я имею основание полагать, что другие люди в этом отношении совершенно не отличаются от меня.

Лучший пример такого рода сообщил мне некий господин Ледерер, опираясь на собственные переживания. В ходе свадебного путешествия он встретился в Венеции с одним мало-знакомым господином и захотел представить того своей жене. Фамилию его он позабыл, и на первый раз пришлось ограничиться неразборчивым бормотанием. Встретившись с этим господином вторично (в Венеции это неизбежно), он отвел знакомого в сторону, признался, что забыл его фамилию, и попросил избавить от неловкости и назваться. Ответ собеседника свидетельствовал о прекрасном знании людей: «Охотно верю, что вы не запомнили мою фамилию. Меня зовут так же, как и вас, – Ледерер!» Здесь поневоле испытываешь довольно неприятное ощущение, знакомое всякому, кто встречает постороннего человека с твоей фамилией. Недавно я сам испытал похожее чувство, когда на прием ко мне явился некий господин З. Фрейд. Впрочем, один из моих критиков уверяет, что он в подобных случаях испытывает как раз обратное.

е) Действие «личного восприятия» обнаруживается также в следующем примере, сообщенном Юнгом.

«У безнадежно влюбился в одну даму, вышедшую вскоре замуж за Х. Несмотря на то, что У издавна знает Х и даже находится с ним в деловых отношениях, он все же постоянно забывает его фамилию, так что не раз случалось, что ему, когда требовалось написать Х письмо, приходилось справляться о его фамилии у других».

Правда, в этом случае забвение мотивируется прозрачнее, нежели в предыдущих примерах констелляции личных особенностей²⁵. Забывание здесь предстает прямым следствием нерасположения господина У к своему счастливому сопернику; он не хочет о том знать и даже думать.

ж) Мотив забывания может быть утонченнее и даже выражать «сублимацию» недовольства носителем конкретного имени. Некая фрейлейн И. фон К. пишет из Будапешта:

²⁴ Д. Шпицер – известный в свое время журналист, который публиковал в разных газетах очерки под общим названием «Прогулки по Вене»; здесь имеется в виду рассказанная им история о встрече с романтически настроенной вдовой, которая пребывала в уверенности, что герои драм Ф. Шиллера получили свои имена в честь членов ее семьи. – *Примеч. ред. оригинального издания.*

²⁵ В аналитической (юнгианской) психологии констелляция – объединение психических содержаний; здесь автор говорит, скорее, о накоплении и уплотнении (см. далее). – *Примеч. пер.*

«Позволю себе выдвинуть собственную теорию. Я заметила, что люди с даром к живописи совершенно равнодушны к музыке, и наоборот. Некоторое время назад я беседовала на эту тему и обронила, что до сих пор эта моя теория находила подтверждения, не считая одного-единственного случая. Когда я попыталась вспомнить фамилию этого исключения, то поняла, что безнадежно ее запамятовала, хотя этот человек относился к числу ближайших моих друзей. Случайно его имя было упомянуто несколько дней спустя, и я мгновенно осознала, что этот человек на самом деле был противником моей теории. Мое бессознательное негодование по его поводу выразилось в забвении имени, каковое я отлично знала».

з) Следующий пример из сообщения Ференци показывает иной способ влияния личных обстоятельств на забывание имен. Анализ тут чрезвычайно полезен вследствие объяснения подставных имен (как в моей истории с именами Синьорелли, Боттичелли и Больтраффио).

«Дама, увлекавшаяся психоанализом, не могла припомнить имени психиатра Юнга²⁶. Вместо этого она последовательно называла имена Кл..., Уайльда, Ницше и Гауптмана²⁷.

Я не стал ее поправлять, но предложил воспользоваться методом ассоциаций для каждого имени.

Имя Кл... напомнило ей о фрау Кл..., даме чванливой и заносчивой, но чрезвычайно хорошо выглядящей: «Она словно не стареет». Для характеристики Уайльда и Ницше она подобрала словечко «безумие», а затем прибавила обвиняющим тоном: «Вы, фрейдисты, вечно ищите причины безумия, хотя сами вполне безумны». После чего заявила: «Терпеть не могу Уайльда с Ницше. Я их не понимаю. Слышала, что они гомосексуалисты, что Уайльд яхтался с молоденькими». (По сути, она уже назвала фамилию Юнга, но по-прежнему не могла ту вспомнить.)

Что касается Гауптмана, первой ассоциацией была фамилия «Хальбе»²⁸, за которой последовало слово Jugend (молодость. – *Ред.*); только тут, когда я обратил внимание дамы на это слово, она осознала, что вспоминает фамилию «Юнг».

Супруг этой дамы скончался, когда ей было тридцать девять, то есть на повторное замужество она уже не рассчитывала. Следовательно, у нее имелись все основания избегать воспоминаний о молодости и возрасте. Любопытно, что все образы, скрывавшие искомую фамилию, были связаны с этими темами, но вот звуковые ассоциации практически отсутствовали».

и) Иначе и тоньше мотивируется забывание имени в примере, который я цитирую со слов самого субъекта.

«На экзамене по философии, которая у нас была побочным предметом, экзаменатор задал вопрос об учении Эпикура и затем спросил, знаю ли я, кто развивал это учение в позднейшее время. Я назвал Пьера Гассенди – имя, которое я слышал двумя днями раньше в кафе, где о нем говорили как об ученике Эпикура. На вопрос удивленного экзаменатора, откуда я это знаю, я смело ответил, что давно интересуюсь Гассенди. Результатом стала высшая отметка в таблице, но вместе с тем у меня проявилась упорная склонность забывать имя Гассенди. Думаю, что это моя нечистая совесть тому виной; несмотря на все усилия, я теперь никак не могу удержать это имя в памяти. Я и тогда не должен был его знать».

Чтобы получить правильное представление о нежелании этого человека вспоминать тот экзамен, следует принять во внимание, что этот человек высоко ценит докторскую степень, которая должна ему заменить многое иное.

к) Здесь я приведу еще один пример забытого названия города. Возможно, он покажется не таким простым, как более ранние, но любому, кто достаточно хорошо разбирается в исследованиях подобного рода, этот пример послужит наглядным и убедительным доказательством.

²⁶ Для понимания примера важно, что эта фамилия переводится как «молодой». – *Примеч. ред.*

²⁷ Г. Гауптман – немецкий драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1912 г. – *Примеч. пер.*

²⁸ М. Хальбе – немецкий писатель-натуралист, автор популярного романа «Юность». – *Примеч. пер.*

Название города в Италии ускользнуло из памяти человека в силу большого сходства этого названия по звучанию с женским именем, с которым был связан ряд аффективных воспоминаний (последние, разумеется, излагаются не полностью). Шандор Ференци из Будапешта, который сам наблюдал этот случай забывания, работал с ним так, как обычно работают со сновидениями или невротическими представлениями; на мой взгляд, такой подход выглядит вполне оправданным.

«Сегодня я встречался со знакомыми, и разговор зашел о городах Северной Италии. Было сказано, что там до сих пор заметны следы австрийского влияния. Прозвучали названия нескольких городов, и я хотел добавить еще один, но название вдруг ускользнуло от меня, хотя я провел там два очень приятных дня; этот факт не слишком-то согласовывался с теорией забывания Фрейда. Вместо имени, которое я тщился вспомнить, на ум приходили только ассоциации – Капуя, Брешия, брешийский лев²⁹.

Мысленно я вообразил этого “льва” в форме мраморной статуи, этакого материального предмета; однако сразу же стало понятно, что он больше похож не на льва с памятника свободе в Брешии – этот памятник я видел лишь на открытках, – а на другого знаменитого мраморного льва, с памятника погибшим в Люцерне: это памятник швейцарским гвардейцам, которые пали, защищая Тюильри³⁰. Миниатюрная копия этого монумента стоит у меня на книжной полке. Тогда наконец вспомнилось позабытое название – Верона.

Я мгновенно сообразил, что послужило причиной моей амнезии. Во всем виновата бывшая служанка моих знакомых. Ее звали Вероника (Верона по-венгерски), и у меня она вызывала сильное неприятие своей отталкивающей внешностью, пронзительным и хриплым голосом – и неумным напором, который она не стеснялась выказывать, словно считая, что ей все позволено. Она была настоящим тираном для детей моих знакомых, и это тоже меня злило. Когда возникло это осознание, стали понятными и замещающие ассоциации.

С Капудей все просто – это *caput mortuum*, голова мертвого тела. Я часто сравнивал в мыслях голову Вероники с мертвой головой. Венгерское слово *karzsi* (жадный) выступало, несомненно, дополнительным признаком в этом отношении. А еще я отыскивал прямые ассоциативные пути, которые связывали Капудю и Верону как географические объекты – и как итальянские слова, имеющие один и тот же ритм.

То же самое верно и для Брешии, но здесь ассоциация шла более извилистым, обходным путем.

Моя неприязнь к служанке одно время достигла такой степени, что я буквально на дух не переносил Веронику и не раз удивлялся вслух тому, что эта женщина может кому-то показаться привлекательной и быть для кого-то возлюбленной. “Да от ее поцелуев стошнит!”³¹ – восклицал я. Вдобавок эта женщина давно и прочно связывалась в моем подсознании с погибшими (швейцарскими гвардейцами).

Брешию часто упоминают – по крайней мере, в Венгрии – в связи с другим диким животным (не со львом). Самым ненавистным в Венгрии и на севере Италии является имя генерала Хайнау, широко известного как “Гиена Брешии”³². В общем, одна цепочка размышлений вела от злобного тирана в Брешии к городу Верона, а другая – к образу животного с хриплым криком, привычного к осквернению могил (отсюда, полагаю, в моем воображении возник памятник погибшим), и далее к мертвой голове и неприятному голосу Вероники – жертвы грубого

²⁹ Крылатый лев – символ святого Марка, покровителя итальянского города Брешия. – *Примеч. пер.*

³⁰ Имеется в виду осада королевского дворца в Париже в 1792 г., когда швейцарский гвардейский полк долго сдерживал натиск бунтовщиков. Памятник «Умиравший лев» работы Б. Торвальдсена был открыт в 1821 г. – *Примеч. пер.*

³¹ Немецкое слово *Brechreiz* («тошнота») похоже по звучанию на название «Брешия». – *Примеч. ред. оригинального издания.*

³² Ю. фон Хайнау – австрийский генерал, жестоко подавивший восстание в Брешии в ходе революции 1848 г., а в следующем году он печально прославился жестокими расправами в Венгрии. – *Примеч. пер.*

насилия со стороны моего бессознательного; в свое время служанка бесчинствовала в доме моих знакомых ничуть не менее злобно, чем австрийский генерал, подавлявший восстания венгров и итальянцев.

Люцерн – это воспоминание о лете, когда Вероника вместе со своими хозяевами была в окрестностях города Люцерн, на одноименном озере. Швейцарская гвардия, в свою очередь, напоминала, что служанка держала в узде не только детей, но и взрослых, как бы примеряя роль Garde-Dame (дуэньи, букв. «надзирательницы за дамами»).

Нужно отметить, что эта моя неприязнь к Веронике давно осталась в прошлом, если говорить о сознательном мышлении. С течением времени наружность и манеры служанки изменились в лучшую сторону, и я мог смотреть на нее, пусть у меня находилось мало поводов для таких встреч, уже без содрогания. Зато мое бессознательное, как обычно, продолжало цепляться за [более ранние] впечатления: оно “привязано к прошлому и обидчиво”.

Что касается Тюильри, это намек на другого человека, на пожилую француженку, которая во многом и вправду “надзирала” за женщинами в доме моих знакомых; ее уважали все, от мала до велика, – уважали и, несомненно, побаивались. Некоторое время я учился (eleve) у нее французскому языку. Слово *eleve* напомнило также, что, будучи в гостях у зятя хозяина дома, в северной Богемии, я находил крайне забавным следующее обстоятельство: местные жители называли учеников в тамошней школе лесного хозяйства *Loewen*, львами. Это занимательное воспоминание, возможно, также сыграло свою роль в мысленном переходе от образа гиены к образу льва».

л) Следующий пример показывает, как личный комплекс, который преобладает в конкретный момент времени, может привести к забыванию имени по какой-то крайне смутной причине.

«Двое мужчин, один зрелого возраста, другой помоложе, полгода назад вместе путешествовали по Сицилии и теперь обмениваются впечатлениями о тех приятных и памятных днях. “Так, – сказал младший, – как же называлось место, где мы ночевали перед тем, как отправиться в Селинунт? Не Калатафими ли?” Старший возразил: “Конечно, нет, но я забыл название, хотя отчетливее всего помню подробности нашего пребывания там. Стоит мне встретить кого-то, кто тоже теряет слова, и я сразу все забываю. Давайте попробуем вспомнить. Единственное, что приходит мне в голову, – это Кальтаниссетта, но это явно не оно”. “По-моему, – сказал юноша, – название начиналось с буквы W или содержало эту букву”. “Но в итальянском языке нет такой буквы”, – ответил старший. “Вообще-то я имел в виду букву v, а w назвал потому, что привык к ней в нашем языке”. Пожилой мужчина стоял на своем: “Мне кажется, я позабыл почти все сицилийские названия; так что предлагаю поставить эксперимент. Например, как называлось место на холме, в древности оно звалось Энной? О, вспомнил: Кастроджованни”. Тут молодой человек наконец восстановил в памяти искомое название. “Кастельветрано!” – воскликнул он, явно довольный тем, что смог обнаружить букву v, на наличии которой настаивал. Старший не сразу, но согласился, а потом, когда принял это название, счел своим долгом объяснить причину забывания. “Очевидно, вторая половина этого названия, – *vetrano*, звучит очень похоже на слово “ветеран”. Я стараюсь избегать мыслей о старости, и мое сознание выкидывает странные шутки, когда о возрасте все-таки напоминают. Например, недавно я в самых нелепых выражениях обвинил своего близкого друга – мол, тот оставил юность далеко позади; а провинился он лишь тем, что однажды, среди лестных замечаний на мой счет, обмолвился, что я уже не молод. Еще один признак того, что мое сопротивление направлено против второй половины названия Кастельветрано, – это подставное имя Кальтаниссетта, со схожей первой половиной слова”. “А что насчет самой Кальтаниссетты?” – спросил юноша. Пожилой мужчина ответил, что это название всегда казалось ему ласковым прозвищем для молодой женщины. Чуть погодя он добавил: “Конечно, Энна – тоже замещающее название. Теперь-то я

понимаю, что название Кастроджованни закрепилось в памяти благодаря рационализации; тут тебе giovane (молодой), а в позабытом названии Каствельветрано прятался ветеран»».

Зрелый мужчина полагал, что сумел объяснить забывание названия. При этом никто не потрудился установить причину выпадения этого названия из памяти его более молодого спутника.

* * *

Не только мотивы, но и механизмы управления забыванием имен заслуживают нашего внимания. В немалом числе случаев имя забывается не потому, что оно само порождает такие мотивы, а потому, что – благодаря сходству по звучанию – оно как бы накладывается на другое имя, против которого эти мотивы и вправду действуют. Если ослабить указанные признаки, распознать аналогичные явления будет намного проще, как показывают следующие примеры.

м) Сообщение доктора Эдуарда Хитшманна³³: «Господин Н. хотел сообщить собеседнику название [венской] книготорговой компании Гильхофера и Раншбурга. Но, сколько он ни старался, на ум ему приходило только название “Раншбург”, хотя саму контору он знал прекрасно. Он вернулся домой в легком раздражении и счел свою досаду достаточным поводом для того, чтобы разбудить брата, который, по-видимому, уже лег спать. Его брат ничуть не затруднился с правильным ответом. Тут господину Н. в качестве ассоциации с фамилией Гильхофер вспомнилось название Гайльхоф: так называлось местечко, где он несколько месяцев назад совершил памятную прогулку с привлекательной молодой дамой. На прощание дама преподнесла ему подарок с надписью: “На память о счастливых часах в Гайльхофе” (Gallhofer Stunden – букв. “Часы Гайльхофа”. – *Ред.*). За несколько дней до того, как название забылось, этот подарок был случайно и сильно поврежден – господин Н. слишком поспешно закрывал ящик стола. Он воспринял случившееся с некоторым чувством вины, ибо имел представление о значимости симптоматических действий³⁴. Его чувства к упомянутой даме между тем были двойственными: он, конечно, ее любил, но испытывал сомнения относительно необходимости в женитьбе».

н) Сообщение доктора Ганса Сакса³⁵: «В разговоре о Генуе и ее ближайших окрестностях один молодой человек хотел упомянуть место под названием Пельи, но вспомнил это название только чрезвычайным умственным усилием. По дороге домой он размышлял о причинах такого выпадения знакомого слова из памяти – и вдруг вспомнил очень похожее по звучанию слово “Пели”. Он знал, что в южных морях есть остров с таким названием, а жители острова до сих пор сохраняют некоторые замечательные первобытные обычаи. Недавно он прочитал о них в этнологическом труде и настолько загорелся прочитанным, что решил воспользоваться этими сведениями для собственных нужд. Далее он вспомнил, что на острове Пели разворачивалось действие романа, который он не так давно читал с интересом и удовольствием; это роман “Счастливейшее время Ван Зантена” Лауридса Бруна³⁶. Мысли, которые почти беспрестанно занимали его в тот день, вращались вокруг письма, полученного утром от дамы, которую он сильно любил. Это письмо внушало опасения по поводу заранее назначенной встречи. Вдоволь настрадавшись от дурного настроения, он вечером отправился на светское собрание с твердым намерением избавиться от назойливых раздумий, тем паче что этому собранию он сам придавал чрезвычайно большое значение. Понятно, что на эту решимость могло серьезно

³³ Австрийский психоаналитик, ученик Фрейда, соредатор Международного психоаналитического журнала. – *Примеч. пер.*

³⁴ См. главу IX. – *Примеч. ред.*

³⁵ Австрийский психоаналитик и юрист, соратник Фрейда. – *Примеч. пер.*

³⁶ Датский писатель; на русском этот роман известен как «Счастливые дни Ван-Цантена». – *Примеч. пер.*

повлиять слово Pegli, столь созвучное названию острова Пели, а сам остров, образ которого подкреплялся личным и этнологическим интересом, воплощал для этого юноши не только “счастливейшее время Ван Зантена”, но и его собственное “наилучшее время”; следовательно, в образе острова сошлись страхи и тревоги, которыми юноша терзался день напролет. Показательно, что это простое объяснение сделалось очевидным лишь после того, как второе письмо от подруги превратило сомнения в счастливую уверенность в скорой встрече».

Этот пример может напомнить приведенный выше географический казус с забыванием названия города Нерви. Получается, что пара слов, сходных по звучанию, способна обеспечивать тот же результат, что и одно слово с двумя значениями.

о) Когда в 1915 г. разразилась война с Италией³⁷, я из наблюдения за собой сделал вывод, что целый ряд итальянских географических названий, которые в обычное время сами приходили на ум, внезапно исчез из моей памяти. Как и многие другие немцы, я завел привычку проводить часть отпуска на итальянской почве, так что не приходилось сомневаться: данное массовое забывание имен отражало понятную враждебность к Италии взамен былой привязанности. В дополнение же к этой прямой мотивировке обнаружилась и косвенная амнезия, которую можно было приписать влиянию тех же событий. Я проявлял склонность забывать другие, неитальянские названия, а когда занялся изучением этого факта, то выяснил, что эти имена каким-то образом связаны – посредством отдаленного сходства по созвучию – с названиями вражеских населенных пунктов. Так, я долго мучился, пытаясь вспомнить название моравского городка Бизенц. Когда наконец вспомнил, то сразу же понял, что в забывании следует винить дворец Бизенци в Орвието: там располагается отель Belle Art, где я останавливался, бывая в Орвието. Вообще самые ценные воспоминания, естественно, сильнее всего зависят от эмоционального отношения человека.

Некоторые примеры также могут помочь нам оценить разнообразие целей, достигаемых посредством забывания имен.

п) Сообщение А. Й. Шторфера³⁸ (1914): «Как-то утром дама, проживавшая в Базеле, получила известие, что подруга ее юности Зельма Х. из Берлина, справлявшая медовый месяц, всего на денек заехала в Базель. Наша дама поспешила в отель, где остановилась подруга. После встречи женщины договорились снова встретиться после обеда и провести время вместе вплоть до отъезда берлинской гостьи.

Но днем дама из Базеля забыла о назначенной встрече. Уж не знаю, в чем была конкретная причина такой забывчивости, но в данной ситуации (встреча со школьной подругой, которая только что вышла замуж) возможны различные типичные конstellляции, способные помешать повторной встрече. Дополнительный интерес вызывают и привходящие обстоятельства, своего рода бессознательное оправдание забывчивости. В ту пору, когда базельской даме надлежало снова встретиться с подругой из Берлина, она очутилась совсем в другой компании, и разговор зашел о недавней свадьбе венской оперной певицы Курц³⁹; наша дама позволила себе высказаться критически по поводу этого брака, а когда захотела назвать певицу по имени, то обнаружила, к великому своему смущению, что не может вспомнить ее имени. (Как известно, в обществе принято упоминать имя вместе с фамилией, особенно когда фамилия односложная.) Базельская дама смутилась тем сильнее, поскольку часто бывала на выступлениях Курц и хорошо знала, как ту зовут. Впрочем, эта ошибка памяти осталась незамеченной, и разговор пошел в другом направлении.

Вечером того же дня наша дама попала в многолюдную компанию, причем среди гостей были и те люди, с которыми она виделась днем. По стечению обстоятельств беседа вновь зашла

³⁷ В мае 1915 г. Италия объявила войну Австро-Венгрии. – *Примеч. пер.*

³⁸ Австрийский журналист, писатель и издатель. – *Примеч. пер.*

³⁹ Обладательница колоратурного сопрано. – *Примеч. ред. оригинального издания.*

о свадьбе венской певицы, и наша дама ничуть не затруднилась произнести: “Зельма Курц”. В следующий миг она воскликнула: “О господи! Я совсем забыла, что сегодня днем должна была встретиться с моей подругой Зельмой!” Взгляд на часы показал, что ее подруга уже наверняка уехала из города».

Полагаю, мы пока не в состоянии оценить все особенности этого прекрасного примера. Далее приводится более простой случай, пусть там забывается не имя собственное, а иностранное слово, и забвение вызвано очевидным мотивом, обусловленным ситуацией. (Уже ясно, что мы сталкиваемся с одними и теми же процессами, будь то в историях с именами собственными, фамилиями, иностранными словами или цепочками слов.) Некий молодой человек забыл английское слово *gold*, по значению сходное с немецким *Geld* (золото), подыскивая для себя возможность совершить желаемое действие.

р) Сообщение доктора Ганса Сакса: «Молодой человек познакомился в пансионе с английской дамой, которая ему приглянулась. В первый же вечер их знакомства он завел с нею беседу на ее родном языке, которым довольно хорошо владел, и в ходе беседы вздумал упомянуть по-английски слово *gold*. Увы, несмотря на все усилия, слово попросту не шло на язык, зато вспоминались французское *or*, латинское *aureum* и греческое *chrysos*, и приходилось изрядно постараться, чтобы отвергнуть эти заменители, причем юноша твердо знал, что все эти слова не родственны друг другу. В конце концов он нашел единственный способ объясниться – дотронулся до золотого кольца на руке дамы, а далее сильно сконфузился, узнав от собеседницы, что позабытое им слово очень похоже по написанию и звучанию на немецкое *Geld*. Важное значение прикосновения, которое состоялось благодаря забывчивости, заключалось не только в неоспоримом удовлетворении от касания (тут немало других уловок, к которым, как правило, охотно прибегают влюбленные). Гораздо важнее тот факт, что прикосновение помогло прояснить перспективы ухаживания. Бессознательное дамы угадало эротический подтекст забвения под маской невинной ошибки памяти, тем паче что ее бессознательное симпатизировало юноше, с которым она разговаривала. Способ, каким она отреагировала на прикосновение и каким приняла мотивировку действий собеседника, показал, что она, пусть неосознанно, готова предпринять шаги для достижения взаимопонимания и продолжить едва начавшийся флирт».

с) Сообщение Й. Штерке⁴⁰ (1916). Вот еще одно любопытное наблюдение по поводу забывания и последующего восстановления в памяти имени собственного. Этот случай выделяется среди прочих тем, что забывание связано с неправильным цитированием стихотворного отрывка, как в истории с «Коринфской невестой».

«Господин З., старый юрист и филолог, рассказывал в одной компании, как в студенческие годы водил знакомство с неким откровенно глупым студентом, над которым все вокруг потешались. При этом он не смог вспомнить имя этого студента, разве что утверждал, что то начиналось с буквы W (правда, чуть позже сам отказался от этой мысли). По его словам, глупый студент со временем сделался виноторговцем. Господин З. поведал очередную байку о глупости этого студента и снова подивился тому, что никак не может вспомнить имя. “Он был таким ослом, что я до сих пор не понимаю, как мне удалось втемашить ему в голову латынь”. Мгновение спустя он вспомнил, что фамилия студента оканчивалась на “-ман”. Тут его спросили, помнит ли он другие фамилии с таким окончанием, и он назвал фамилию Эрдман. “Кто это? – Еще один студент времен моей молодости”. Дочь господина З. возразила, что ей знаком профессор Эрдман. После расспросов выяснилось, что этот профессор Эрдман, редактор научного журнала, недавно отказался принять статью З., с которой частично не соглашался; З. сильно расстроился, поскольку хотел опубликовать именно статью, а не заметку. (Позже я узнал, что много лет назад З. всерьез рассчитывал стать профессором той же кафедры, на кото-

⁴⁰ Нидерландский психиатр, врач и психоаналитик. – *Примеч. пер.*

рой сейчас читает лекции профессор Эрдман. Это, следовательно, могла быть дополнительная причина для недовольства и огорчения.)

Тут ему внезапно вспомнилось имя глупого студента: “Линдеман!” Поскольку он уже припомнил окончание “-ман”, долго оставалась вытесненной первая часть фамилии – “Линде” (букв. липа). Когда З. спросили, какие ассоциации вызывает у него слово “Линде”, он ответил, что никаких. Я стал настаивать, что этого не может быть, и З., уставясь в потолок, махнул рукой: “Липа – красивое дерево”. Больше ему добавить было нечего. Остальные присутствующие продолжали заниматься своими делами, но вдруг З. мечтательным голосом продекламировал следующий отрывок:

Steht er mit festen
Gefügigen Knochen
Auf der Erde,
So reicht er nicht auf
Nur mit der Linde
Oder der Rebe
Sich zu vergleichen⁴¹.

Я торжествующе вскричал: “Вот наш Эрдман (землянин. – *Ред.*)! Человек, который твердо стоит на земле, который не может подняться достаточно высоко, чтобы сравниться с липой (Линдеман) или с виноградной лозой (=винооторговец). Другими словами, ваш Линдеман, глупый студент, ставший впоследствии винооторговцем, был, конечно, сущим ослом, но ваш Эрдман куда больший осел, он не идет ни в какое сравнение с этим Линдеманом!” Для бессознательного такое уничижение вполне обыденно, и мне показалось, что основная причина забывания имени в данном случае раскрыта.

Я уточнил, из какого стихотворения этот отрывок. Господин З. сказал, что это стихотворение Гете, которое, по его мнению, начиналось так:

Edel sei der Mensch
Hilfreich und gut!

(Букв. «Да будет человек благородным, заботливым и добрым». – *Ред.*)

Далее же в тексте были следующие строки:

Und hebt er sich aufwärts,
So spielen mit ihm die Winde.

(Букв. «А если вознесется ввысь, ветры станут с ним играть». – *Ред.*)

На другой день я просмотрел это стихотворение Гете, и оказалось, что этот случай еще интереснее и сложнее, чем виделось поначалу.

Первые строки, которые процитировал З., на самом деле гласили:

Steht er mit festen

⁴¹ «Если ж стоит он Костью дебелой На крепкозданной, Прочной земле, То не сравняться Даже и с дубом Или с лозою Ростом ему». – *И. В. Гете*. Границы человечества. Перевод А. Фета. Букв. «Если он стоит гибкими костями на прочной земле, то не сможет подняться вровень с липой или с лозой». См. подробный разбор и исправление неточностей в изложении рассказчика далее. – *Примеч. ред.*

Markigen Knochen...

Выражение “Gefügte Knochen” (гибкие кости. – *Ред.*) звучало довольно странно, однако я не буду углубляться в этот вопрос.

Далее строфа гласила:

Auf der wohlgegründeten
Dauernden Erde;
Reicht er nicht auf,
Nur mit der Eiche
Oder der Rebe
Sich zu vergleichen.

Во всем стихотворении нет ни единого упоминания о липе. Превращение “дуба” в “липу” состоялось в бессознательном З. и преследовало единственную цель – сделать возможной игру слов “земля – липа – лоза”.

Это стихотворение называется “Границы человечества”, и в нем ничтожность рода людского сопоставляется со всемогуществом богов. Начальные, по З., строки, а именно:

Edel sei der Mensch
Hilfreich und gut!⁴² —

относятся к другому стихотворению, в книге оно располагалось несколькими страницами позже. Это стихотворение “Божественное”, и в нем также содержатся размышления о богах и людях. Дальнейшего развития эта история не получила, могу в лучшем случае предположить, что мысли о жизни и смерти, о временном и вечном, о собственной брэнной жизни и о неизбежной кончине также сыграли свою роль в этом забавном происшествии».

⁴² «Прав будь, человек, Милостив и добр». – Перевод Ап. Григорьева. – *Примеч. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.